

Содержание

<i>Вступление</i>	9
Часть I	
ИСТОРИЯ СТИВА ПАРКЕРА.....	15
<i>Глава 1. Начало с конца</i>	16
<i>Глава 2. Место для стоянки</i>	32
<i>Глава 3. Незванный гость</i>	34
<i>Глава 4. Сон</i>	39
<i>Глава 5. Свет зовет</i>	42
<i>Глава 6. Колеса моей смерти</i>	45
<i>Глава 7. Важная миссия</i>	76
Предисловие к части II	
Что я скажу о себе, когда меня не станет?.....	83
Часть II	
ПОСТРОЕНИЕ СВОЕГО ОБОЗРЕНИЯ ЖИЗНИ ...	91
<i>Исследовательское задание № 1</i>	
Материал из прошлой жизни.....	92
<i>Исследовательское задание № 2</i>	
Родовая боль.....	94
<i>Исследовательское задание № 3</i>	
7500 кармических единиц.....	98
<i>Исследовательское задание № 4</i>	
Ваша эмоциональная история.....	99
<i>Исследовательское задание № 5</i>	
Числовые паттерны.....	102
<i>Исследовательское задание № 6</i>	
Вопросник взаимоотношений.....	104

<i>Исследовательское задание № 7</i>	
Распишите свое путешествие	106
<i>Исследовательское задание № 8</i>	
Ваши энергетические затраты.	109
<i>Исследовательское задание № 9</i>	
Ваш зов к Пробуждению	114
<i>Исследовательское задание № 10</i>	
После Пробуждения	118
<i>Исследовательское задание № 11</i>	
Сложить всё в одно целое	125
Предисловие к части III	
Наведите порядок, соберитесь и оставайтесь Пробужденным	127
Часть III	
СТАТЬ ПРОБУЖДЕННЫМ И ОСТАВАТЬСЯ ПРОБУЖДЕННЫМ	129
«Стать Пробужденным» — Задание № 1	
Очистите прошлое.	130
«Стать Пробужденным» — Задание № 2	
Простите себя	131
«Стать Пробужденным» — Задание № 3	
Остановите родовую боль	133
«Стать Пробужденным» — Задание № 4	
Исцелите прошлые жизни	135
«Стать Пробужденным» — Задание № 5	
Оплачьте свои потери	136
«Стать Пробужденным» — Задание № 6	
Избавьтесь от суждений и ожиданий.	138
«Стать Пробужденным» — Задание № 7	
Притворяйся, пока не сможешь сделать это	140
«Стать Пробужденным» — Задание № 8	
Откройте свою цель.	144

«Стать Пробужденным» — Задание № 9	
Творите осознанно	155
«Стать Пробужденным» — Задание № 10	
Создайте рай-на-земле	160
«Стать Пробужденным» — Задание № 11	
Слушайте свое тело	173
Предисловие к части IV	
Технология Моста	185
Часть IV	
ИНСТРУМЕНТЫ РАДИКАЛЬНОГО ПРОЩЕНИЯ. . .	193
Таблица Радикального Прощения	194
Напишите три письма.	204
4-шаговый процесс	
для Радикального Прощения	208
4-шаговая таблица	
для Радикального Прощения	210
Письмо-освобождение	213
Инструменты на CD, DVD и в онлайн	215
Благодарности.	219
Об авторе	221

ВСТУПЛЕНИЕ

Вот главные из основополагающих вопросов, которые продолжают беспокоить умы и философов, и простых смертных с тех самых пор, как только у нас появилась способность мыслить абстрактно:

Кто мы есть?

Что мы есть?

Почему мы здесь?

В чем смысл нашей жизни?

В чем смысл нашей смерти?

Нет ничего удивительного, что мы более всего склонны сосредоточить внимание на поиске ответов на последний из этих вопросов. Ведь он — единственный, имеющий самое прямое и непосредственное отношение к каждому человеку на этой планете, наделенному рациональным мышлением. В конце пути всех нас неизбежно ждет смерть — и есть ли кто-то из нас, кого не заботило бы то, что произойдет с нами, когда мы окажемся за ее порогом?

Без преувеличения, существуют тысячи и тысячи мифов, старающихся пояснить природу смерти, однако в основании своем все они исходят из двух диаметрально противоположных идей. Первая — простая, понятная и недвусмысленная: не произойдет ровным счетом ничего. Ее довод — наша смерть ничем не отличается от смерти, скажем, дерева. Подобно тому как жизненная сила дерева иссякает, когда его срубают, так и жизненная сила человека прерывается, когда перестает биться сердце или, по крайней мере, вскоре после этого. Этот миф утверждает, что

после смерти жизнь прекращается и тело разлагается. Конец истории.

Идея вторая — основа для тысяч вариаций на одну и ту же общую тему: тело умирает, но душа, или духовная сущность человека, существовавшая еще прежде облечения в плоть, продолжает жить в некой форме посмертного существования. Вариантов этой темы множество — и среди них представление о том, что мы, в зависимости от своих заслуг, отправимся или в ад, или в рай, является наиболее упрощенным и, как следствие, вероятно, самым общепризнанным из мифов. На этой стороне шкалы, в «Тибетской книге жизни и смерти», мы открываем самые философские и мистические представления о природе смерти.

На самом деле, конечно же, никому ничего доподлинно не известно. Все наши представления о смерти и посмертном существовании не более чем мифы. Некоторые и среди них — откровенная глупость, однако другие несут в себе огромную интеллектуальную, эмоциональную и духовную нагрузку для подавляющего большинства землян, включая самые выдающиеся умы и мудрейших из мудрых. Величайшие из философов на протяжении веков считали достойными всяческого признания мифы, что предполагают посмертную жизнь для души. И конечно же, большинство мировых религий основано на центральном мифе о том, что душа — вечна.

На более прозаическом уровне, самые увлекательные «свидетельства» о жизни после смерти я обнаружил в великом множестве предположительно случайных, субъективных и анекдотических свидетельств (спешу добавить, именно их так высмеивают серьезные ученые), которые можно найти в обширной литературе по всему свету. Речь идет о феномене околосмертного переживания (ОСП).

Как явствует из названия, околосмертное переживание относится к состоянию, когда человек вроде бы находится в состоянии клинической смерти, но потом приходит в себя и рассказывает, что происходило с ним по «ту сторону», когда он был мертв. Самое поразительное во всех этих свидетельствах, которые поступают со всего света, от самых обычных, простых людей, — их схожесть, которая не может остаться незамеченной.

Все они в значительной степени описывают одно и то же — туннель прекрасного белого света, в который их увлекало, при этом они приближались к некоему любящему присутствию. Нередко их встречали и приветствовали близкие люди, покинувшие этот мир прежде. Общее для всех этих историй — сообщения о той глубокой любви, которую излучало это присутствие, и еще то, насколько любимыми и принятыми они себя чувствовали. Ничего подобного прежде никто из них не испытывал на Земле. Почти все сообщают, будто им было сказано, что земные дела для них еще не закончены и нужно возвращаться назад. Большинству на самом деле не хотелось этого делать. Та всеобъемлющая любовь, которую они ощущали и в которую входили, — все это было настолько реально и несло с собой такое блаженство, что они не хотели возвращаться, но выбора у них не было.

Однако некоторые немного дальше углублялись в этот туннель и затем сообщали, что проходили через процесс обзора жизни. По их словам, это было похоже на просмотр фильма обо всей их жизни. Им показывали все последствия тех решений, которые им приходилось принимать. При этом их вовсе за них не осуждали. Нет ни единого сообщения о наказании или упоминания об аде.

Все эти люди ощутили заметные перемены в том, какими глазами стали смотреть на свою жизнь, по

контрасту с тем, какой она виделась им прежде. Словно они видели свою жизнь сквозь занавес, а теперь поняли подлинный смысл всего, что в ней случилось. Они перестали беспокоиться, потому что теперь обладали глубоким доверием к жизни, происходящим от знания того, что о них заботятся, какими бы ни были внешние обстоятельства. Эти люди обрели внутренний мир.

Некоторые ученые постарались найти рациональные объяснения синдрому ОСП, основанные на особенностях функционирования мозга. Те объяснения, какие оказались доступны мне, кажутся еще более сомнительными, чем та идея, которую они пытаются опровергнуть. Наука не самый лучший инструмент для объяснения явлений из мира духовного.

В настоящее время, насколько мне известно, нет подтвержденных сообщений о том, чтобы кто-то пытался совершить путешествие в этом туннеле на мотоцикле марки «Харли-Дэвидсон»*. Но нет ничего невозможного — как вы вскоре узнаете, когда от предисловия перейдете к самой нашей истории.

В этом повествовании, которое составляет часть I этой книги, мой основной персонаж — его зовут Стив Паркер — погибает, попав в аварию на своем мотоцикле. После некоторых приключений в промежуточной фазе с еще одним покойником, с которым он подружился, он в конечном счете обнаруживает, что мчится по туннелю света на своем «Харлее». Юмор здесь заключается не в том, что в этом мотоцикле была вся его жизнь и погиб он, разбившись на

* Harley-Davidson («Харли-Дэвидсон», или просто «Харлей») — марка тяжелых мотоциклов производства висконсинской компании *Harley-Davidson, Inc.*, основанной в 1903. Эти мощные и красивые машины для многих символизируют свободу открытой дороги и приобщение к братству мотоциклистов. — Прим. ред.

нем, но в том, что его Ангела Воплощения, который должен провести его через обозрение жизни, зовут Харли. (Этот Харли также появляется и в другой моей книге, «Радикальное Воплощение».) Харли, в его бытность в человеческом теле, тоже нравились мотоциклы этой марки.

Харли проводит Стива через обозрение жизни, и Стив встречается с группой родственных душ. Среди них — души, заключившие с ним «предварительные соглашения», предшествовавшие его воплощению. С ними он потом контактировал в своем земном существовании. Каждая из сторон должна была выполнять эти соглашения. Кроме того, там были также души, поддерживавшие Стива с другой стороны на протяжении всей его жизни.

Смысл этой истории — поддержать тот самый миф, который является сердцем и душой моей концепции Радикального Прощения. Он объясняется в этой книге лишь постольку, поскольку это необходимо, чтобы держать читателя в курсе происходящего. Основные указания на эту концепцию для тех, кто захочет более глубокого объяснения, изложены в моей первой книге «Радикальное Прощение: духовная технология для исцеления взаимоотношений, избавления от гнева и чувства вины, нахождения взаимопонимания в любой ситуации». Основные положения Радикального Прощения вы найдете в предисловии к части IV.

Части II и III посвящены ВАМ. Первым делом они просят вас представить, как именно выглядело бы ваше Радикальное обозрение жизни, если бы вы проходили через него, глядя на свою жизнь не из привычной перспективы (вот вы совершаете ошибки, сделали что-то плохое, с вами случилось что-то плохое, и т. д.), но с точки зрения Радикального Прощения: все случившееся с вами совершенно и направ-

ляется Свыше. Второе, вы получаете возможность воспользоваться этой моделью, чтобы выстроить собственные ориентиры — каким образом вы хотите создать свою жизнь, если смотреть на нее исходя из этого положения.

Часть IV предоставляет определенную информацию об инструментарии Радикального Прощения.

Надеюсь, что эта книга поможет вам самому найти ответы на вопросы:

Кто я есть?

Что я есть?

Почему я здесь?

В чем смысл моей жизни?

И каким путем идти дальше?

Мне также хочется верить, что вы получите удовольствие от опыта увидеть свою жизнь как направляемую Свыше и полностью совершенную во всех отношениях.

*Колин Тиннинг,
март 2008 г.*

Часть I

История Стива Паркера

В рай на «Харлее»

НАЧАЛО С КОНЦА

Наконец я умер. Самое удивительное было в том, учитывая обстоятельства, при которых это случилось, что смерть пришла очень легко. Последние несколько минут, ведущие к ней, показались мне болезненными и пугающими. Пусть я был в полубессознательном состоянии — но ведь не знаешь, чего от нее ожидать. Вокруг меня металась люди, отчаянно пытаюсь спасти мою жизнь. Бесполезно — в таких авариях не выживают.

И вот я стою, полностью отделенный от тела, на мне ни царапины; просто наблюдаю за ними в полном спокойствии. Вот лежит мое тело, израненное и покрученное, ноги согнуты под самыми немислимыми углами к моему телу, в нескольких местах на нем зияют открытые раны. Серые волосы на макушке покрыты запекшейся кровью, голова повернута как-то противоестественно и вся в крови. Повсюду кровь. Словом, зрелище не из приятных. Судя по моему совершенно искореженному мотоциклу, можно представить, с какой скоростью я мчался, когда потерял управление, вылетел на обочину и врезался в дерево. Наверное, километров 160 в час.

Все как обычно — такой быстрой ездой я пытался совладать со своим гневом. Один из множества способов разобраться с гневом и болью, которая лежит в его основе, — мчаться на мотоцикле, чувствуя ветер в лицо. Это приносило чувство свободы; это было

моим убежищем. Но теперь, похоже, пришло время платить по счетам.

Сверкая огнями, подлетела «скорая».

— Можешь не торопиться, приятель, — сказал полицейский.

На месте события он оказался почти сразу, вместе с другими людьми, которые остановились, чтобы прийти мне на помощь.

— Он все равно уже покойник.

Врачам хватило одного взгляда на меня. Старший из них лишь кивнул головой в ответ.

— Наверное, мчался, как летучая мышь из ада, — сказал он, взглянув сперва на мое тело, а затем на мой еще более изуродованный мотоцикл. — Это, кстати, очень коварный поворот. Тут постоянно что-то такое происходит. Уже не первый год мы соскребаем таких вот с асфальта, а никто и не почешется, чтобы сделать это место безопаснее.

— Я внесу это в отчет, — криво ухмыльнулся полицейский, наблюдая за тем, как медики принялись за свою жуткую работу: поднять и уложить мое окровавленное и скрученное тело на носилки. — Я вытащил его бумажник, так что, по крайней мере, нам известно, кто он такой. Кто-то из наших парней должен будет доставить эту весть, — полагаю, тем, к кому он так спешил или от кого так мчался. Лично меня коробит от подобных поручений, так что, надеюсь, на этот раз оно выпадет не мне.

— Все, народ, разъезжайтесь. Больше тут делать нечего, — сказал он, обращаясь ко всем тем добрым людям, которые остановились и пытались помочь мне. — И, садясь за руль, не забывайте об осторожности.

— Не похож на новичка, — сказал младший из врачей, когда толпа рассосалась. — Я бы сказал, не-

сколько староват для байкера, учитывая ту скорость, с какой он мчался на мотоцикле. Мощный мотоцикл... был.

Полицейский заглянул в мои права.

— Пару месяцев назад исполнилось шестьдесят пять, — сказал он. — Считаю, уже пенсионер. Ужас, согласны? Всю жизнь трудись, гни шею, чтобы выйти на пенсию, и — бац! Тебе конец. Есть над чем подумать, правда?

Оба медика хмыкнули в один голос, явно предпочитая не думать об этом. Их работа еще не была закончена, и она определенно не станет приятней, если вникать во все подобные нюансы.

— Полагаю, вы сами вызовете эвакуатор забрать этот мотоцикл? — осведомился старший из двух, которому явно не терпелось поскорей покончить с неприятной задачей.

В этот момент я ощутил сильное желание дать им понять, что я их слышу и вижу. Я даже не был уверен, действительно ли я мертв, или у меня просто внетелесное переживание, или, может, я вообще сплю. «Эй вы! Это мое тело!» — прокричал я медикам, когда они стали впихивать носилки в карету «скорой помощи». Я запаниковал от мысли, что меня разлучат с телом. «Возьмите меня с собой!» — взмолился я. Никакой реакции. «Скорая» и полицейский автомобиль стали удаляться, а вместо них подъехал эвакуатор, на который погрузили то, что еще недавно было моей гордостью и счастьем. Я почувствовал себя очень одиноким и покинутым.

Движение на дороге вскоре вошло в нормальную колею, мимо меня с шумом проносились легковушки и грузовики. Их водители и пассажиры пребывали в блаженном неведении относительно моей смерти, случившейся всего несколько мгновений назад, прямо на этом самом месте. Откуда им было знать

и то, что я, в виде эфирного присутствия, так и продолжаю стоять на обочине дороги, там, где еще недавно лежало мое тело. Все, что еще напоминало о дорожном происшествии, — черное пятно крови, но даже оно понемногу смывалось дождиком, который начинал накапывать все уверенней.

Дорожное движение, совершенно безучастное к моему существованию, наваяло всепоглощающее и гнетущее чувство обособленности и одиночества. Я был отделен от моего человеческого существования и все же отчаянно стремился снова воссоединиться со своим телом. Я хотел вернуться, чтобы поговорить со своей женой и детьми, рассказать им, как я сожалею о том, что был таким дурнем, и все исправить. Сострадание, которое я ощутил к ним в этот момент, полностью поглотило меня.

Особенно я переживал о Верне, моей теперешней жене. Высокая, стройная и кареглазая, с длинными темными волосами, почти все время собранными в хвост, — словом, Верна была просто красавица. Мы были женаты почти десять лет, но наш брак оказался непростым. Хотя мы разделяли одинаковые духовные убеждения и делали все возможное, чтобы выстроить нашу жизнь в соответствии с ними, напряженности в отношениях было предостаточно. Я быстро выходил из себя, а она сразу же пряталась в глухую оборону. Ее бывший муж был склонен к рукоприкладству, поэтому она всегда реагировала подобным образом, стоило лишь мне повисить на нее голос. Вдобавок, она знала, что причина моего гнева коренилась в смерти женщины, на которой я был женат до нее, и это лишь ухудшало дело.

Тем не менее, несмотря ни на что, мы продолжали любить друг друга, и я знал, что моя смерть окажется для нее тяжелым ударом. Она была очень привязана ко мне, и чувство утраты выльется для нее в ужасное

одинокчество. Мне отчаянно нужно было сказать ей, как я люблю ее и как жалею, что так часто срывал на ней свой гнев. Как раз перед тем, как отправиться в эту роковую поездку на своем «Харлее», я в негодовании вылетел из дома, не сказав ей ни слова. Если бы я только мог вернуться назад и сказать ей, что я люблю ее и что все случилось не из-за нее. Это все было из-за Сюзан.

Сюзан была моей второй женой и, вне всякого сомнения, моей любовью на всю жизнь. На первый взгляд, она была полной противоположностью Верне. Крохотного росточка, всегда коротко стригла свои светлые волосы. Потрясающие зеленые глаза, постоянно сверкавшие зеленым пламенем. Она была танцовщицей. Мы с ней были неразлучны, словно созданы друг для друга. Это все, что мы знали. Мне было тридцать пять, когда я женился на ней. Ей — двадцать семь. Еще через семь лет, в возрасте тридцати четырех, она умерла. Для меня это было все равно что конец жизни. Я и не заметил, как опустился: алкоголь, наркотики, беспорядочный секс, всевозможные сомнительные схемы быстрого обогащения, одна разрушительней другой, — таковы этапы моего пути в последующие шесть лет. Этот образ жизни был самоубийственным и вел в никуда.

Но как раз именно в это время я начал искать смысл своей жизни. Мне необходимо было найти что-то, за что я мог уцепиться, что помогло бы облегчить боль утраты моей Сюзан и дать хоть какое-то объяснение, почему она умерла. Без этого, знал я, у моего саморазрушения может быть лишь один конец. На самом деле, я уже был почти на грани. Однажды один мой товарищ прислал мне книгу, она называлась «Радикальное Прощение», — но я отложил ее больше чем на год. По правде говоря, я даже не открывал эту книгу. Общаюсь с другом, я не упоминал о

ней, а он, в свою очередь, не спрашивал. Как-то после чудовищной ночи беспробудного пьянства я нашел ее и начал читать. Начал — да так и не смог остановиться. Эта книга помогла увидеть мою жизнь в перспективе, и с этого началось мое исцеление. По сути она спасла мне жизнь.

У меня были дети, еще от первого брака. Я женился на Джун, еще когда служил на флоте. Мне было двадцать два года, и я относился к браку совершенно безответственно. Путался с другими женщинами — как говорится, в каждом порту у меня было по одной, — так что наш брак не заладился с самого начала. Мы скоренько произвели на свет парочку детишек, одного за другим — мальчика и девочку. К тому времени я уже уволился с флота, но никак не мог остепениться, продержаться на одной работе больше чем пару месяцев подряд. Наш третий ребенок умер — СВМС. Синдром внезапной младенческой смерти.

Придумать-то название они придумали, но причины так и не смогли объяснить, а от этого становится только хуже. Джун во всем винила себя, она так и не смогла оправиться от потери ребенка. Она стала очень подавленной, отдалилась от меня, и я просто не мог придумать, как нам с ней жить дальше.

Словом, началась очень неприятная полоса, и после десяти лет брака мы развелись. Конечно, для детей это был настоящий шок, и они так по-настоящему и не простили меня. Я исчез из их жизни почти полностью и не делал никаких попыток к воссоединению, пока не прочитал книгу «Радикальное Прощение» и не начал свое путешествие к исцелению и целостности. Никто из них не хотел злиться со мной, и не могу сказать, что я виню их за это.

Но вот что меня интересовало теперь — что бы они сказали, если бы узнали, что я умер? Появилось

бы у них желание — ну хоть вот столечко! — простить меня? Захотели бы узнать, каким на самом деле был их отец, — теперь, когда я действительно навсегда покинул их? Мне так захотелось вернуться и связаться с ними сейчас, немедленно. Возможно, они сейчас чувствуют то же, что и я?

Несмотря на то что я продолжал ощущать этот мощный порыв вернуться обратно к прежней жизни и расчистить все завалы, захламлявшие ее, я начал замечать и сильный зов, увлекавший меня в противоположном направлении. В тот момент я не подключился к нему, — как выяснилось впоследствии, это было приглашение двигаться в сторону света. Но к этому я пока не был готов.

— Эй!

Хозяин этого голоса вынырнул передо мной словно ниоткуда. Взъерошенный, покрытый грязью и, судя по всему, засохшей кровью, он все еще был одет в костюм, белую рубашку и галстук. Галстук, правда, свободно болтался на его шее, однако более или менее соответствовал внешнему виду. Он был среднего роста и, несмотря на немалый уже возраст, все еще довольно стройный. Похоже, что он равнодушен к своей внешности и был частым гостем в фитнес-клубах.

Несмотря на грязь и спекшуюся кровь, словно грим покрывавшие лицо, его можно было назвать привлекательным парнем. По виду ему было примерно около шестидесяти — не намного моложе, чем я.

— И ты тоже, да? — спросил он. — Что ж, не ты первый не вписался в этот поворот. И я, получается, тоже не первый и не последний. Тут погибло немало народу. На самом деле я видел, как ты приближался на своем мотоцикле, и знал, что этим все закончится. Это было неизбежно. Видел все своими глазами — очень впечатляет. Ты был пьян?

— Нет, — отрезал я.

— Значит, травки покурил?

— Опять не угадал. Ничего я не курил. Просто зол был как черт.

— А это одно и то же, — не отступал он. — Гнев — это тоже зависимость. А любая зависимость в конечном счете сведет тебя в могилу. Я был пьян в стельку, когда разбился на этом самом месте на своем новеньком «ягуаре». Мгновенная смерть — причем как раз на мгновение раньше, чем я сам осознал это. Говорил со всеми сразу, но они не слышали меня и не видели, и от этого я чуть с ума не сошел от злости. Думал, что они просто не обращают на меня внимания, потому что я пьян. Наконец до меня дошло, что я мертв! Представляешь, каково это — понять, что ты мертвец!

— Как давно это было?

— Представления не имею. Не могу сказать в точности. Вроде как целую вечность назад, но для меня время остановилось, так что не могу сказать. Мои часы продолжают показывать время моей смерти.

Я посмотрел на свои часы и заметил, что они тоже остановились на времени моей смерти. Полагаю, что по эту сторону просто не существует такой вещи, как время. Я снова взглянул на этого парня, и глубокая грусть охватила меня. Он как будто оказался в ловушке, словно что-то не давало ему покинуть навсегда это место. Меня тут же охватило беспокойство, что и я могу оказаться в таком же затруднительном положении. Я по-прежнему ощущал загадочный призыв к чему-то такому, что привело бы меня к месту, превышавшему мое понимание, но тут меня настигла мысль, что я тоже могу застрять тут надолго.

— А почему ты все еще здесь? — спросил я немного нервно.

— Вот из-за этого, я думаю, — он показал на вкопанный в землю деревянный крест, выкрашенный

белой краской. Он был украшен пластмассовыми цветами, самодельными бусами из ракушек, фотографиями и другими памятными вещами. На грубо сработанной горизонтальной перекладине креста краской было выведено имя «Джозеф». — Похоже на то, что именно эта штукавина меня и не пускает. Я тут, получается, словно на привязи. Они меня не отпускают.

— Кто они?

— Моя семья. Они никак не хотят примириться с тем, что я погиб в автокатастрофе. Они висят на мне, словно груз. Буквально каждый день проезжают мимо этого креста, снижают скорость, когда оказываются рядом. То есть им все равно надо притормаживать на повороте. Однако когда они смотрят в эту сторону, у них такие печальные лица!

— Наверное, они сильно любили тебя, — предположил я.

— Ха! Любили! На словах — да, но на самом деле шагу не давали ступить, все пилили из-за моей пьянки. Моя жена была вроде тебя — злюка. Одним словом, это их способ продемонстрировать свою скорбь. Но только они не понимают, насколько это привязывает меня к этому земному плану или, скорее, к астральному плану — тому самому, на котором мы с тобой сейчас и находимся. На один уровень выше земного плана, но все еще не в мире Духа. Можно сказать, что «туда — не знаю куда» — как раз это самое место. Мы с тобой между двух миров, ты и я, мистер. Но если у тебя хватит ума, ты быстро проследуешь к Свету, о котором мне все тут безостановочно твердят, прежде чем твоя семья что-то такое успеет сделать с тобой и ты тоже застрянешь тут надолго.

— Возможно, ты не так уж застрял, как это тебе кажется, — предположил я. — Не исключено, что это твой стыд не дает тебе стронуться с места. Боишься

предстать перед судом, не так ли? А вдруг отправят в ад — за то, что ты пил, и за все остальное, чем сопровождается пьянство?

Ни он, ни я не имели представления о времени, и, следовательно, не было способа определить, как долго Джозеф был привязан этими энергетическими узами к своей семье из-за того, что они установили памятник на месте его смерти. Но я все же заметил, что на деревянных частях памятника краска начинала облущиваться и кое-где уже зеленел лишайник. Это был верный признак того, что крест простоял здесь как минимум несколько месяцев. И фотографии тоже успели полностью выгореть и покоробиться. Единственное, что оставалось таким же ярким, как и в тот день, когда памятник был установлен, — пластиковые цветы, ведь увядание им не свойственно, и они продолжали отрицать смерть этого человека столь же безоговорочно, как и всякий тлен. Тем самым они давали какое-то извращенное утешение тем, кто проезжал тут каждый день с грустным лицом. Настоящие цветы завяли бы давным-давно, и это стало бы лучшим подтверждением кончины Джозефа П. Ноlanda. Пластиковые цветы продлевали агонию, а значит, он пробыл узником этого места достаточно долго — настоящие цветы за это время давно бы успели завянуть и опсть.

Какое-то время он молча переваривал услышанное. Затем обернулся и стал разглядывать крест, в задумчивости покачивая головой.

— Может, и так. В детстве меня накачивали всей этой религией, хотя потом я не очень-то ее держался. Всё рассказывали, что Бог разозлится, будет судить и все такое, и чуть что — в мгновение ока зашвырнет тебя в ад, если решит, что ты согрешил. Да, было такое дело — это мой паршивец-папаша все любил меня стращать такими рассказами. Что ж, я по-

рядочно нагрешил, не буду этого отрицать. Пьянство было хуже всего, но и прелюбодеяние за мной водится, причем в немалых количествах. Всякие женщины легкого поведения — даже проститутки время от времени, когда припечет. Но главным образом — замужние. Их, как оказалось, соблазнить легче всего — достаточно пары ласковых слов плюс подарочек подороже. Я на самом деле никогда не придавал этому особого значения, хотя был женат на хорошей женщине. Сейчас-то мне делается не по себе, когда задумываюсь над этим, понимаю, что делал ей больно. Она все знала, хотя на эту тему не заводила разговоров, по крайней мере до третьего раза, когда застала меня на горячем. Кричала: «Все, развожусь, с меня хватит!» Однако не ушла от меня. Сам не понимаю почему, честное слово. Думаю, что из-за денег. Я действительно всё тащил в дом, а ей ничего другого и не было нужно. Правду говорю, я на нее денег не жалел, клянусь.

Он присел и какое-то время сидел молча. Я не мог понять: то ли он с ностальгией вспоминает что-то из своих прежних походов, то ли задумался о том, насколько суровую цену придется заплатить за них, когда настанет час постучаться в райские врата.

— Полагаю, ты прав, — сказал он, оборачиваясь в мою сторону так, чтобы можно было видеть мое лицо. — До смерти боюсь этого суда. Не сомневаюсь, что меня отправят в ад. Думаю, мне следует сделать то, что до меня уже проделали двое других парней, которые уже были здесь, когда я сюда попал. У них было то же затруднение: один — педофил, а другой — убийца, так что определенно у них не было никаких шансов попасть в рай.

— И что же они сделали? — поинтересовался я, размышляя над тем, какова у меня вероятность получить заветный пропуск, вздумай я сделать инвента-

ризацию моих шансов. На этот счет, правда, у меня не было особых иллюзий. За мной не числилось столько всякого, как за этим парнем, за Джозефом то есть, и тем более за теми двумя, о которых он рассказал. Но и ангелом я тоже не был. В жизни я натворил много всяких глупостей и немало кому причинил боль. Женился на женщине, на которой не стоило жениться, завел с ней двоих детей и ушел спустя десять лет. Фактически, бросил своих детей. Они меня на самом деле не знали тогда и теперь чихать на меня хотели, — повторяю, я их за это не виню. Я с головой ушел в свою новую жизнь и даже не задумывался, как там они, — так чего ради они начнут возиться со мной, когда я состарюсь? Мне снова стало интересно, что они скажут обо мне теперь, когда меня не стало на этом свете. «Туда ему и дорога» — так, скорее всего. Моя вторая жена, любовь всей моей жизни, умерла от рака. Не желая оставаться в одиночестве, я женился на Верне, своей теперешней жене, которая прожила со мной столько лет и с которой я обращался так недостойно. И надо же так случиться — именно в тот момент, когда я едва стал на ноги, открыл в себе любовь к Верне, нашел работу, которая мне была по душе, мне приспичило сесть на этот мотоцикл и убиться на нем. Проклятие!

— Они решили, что идти к свету слишком рискованно, так что остановились на том, чтобы задержаться на земном плане, прицепившись к кому-то из живых людей. Ну, понимаешь — войти в человека и жить через него. Тут нет ничего сложного, на самом деле, — просто проскользнуть в живого человека. Проще всего, если человек этот пьяница, или сидит на наркотиках, или под анестезией на операционном столе. Поэтому лучшее место, чтобы найти подходящего кандидата, — отправиться в бар или в больницу. В результате они так и поступили — направились куда-то

в одно из этих мест. Знаешь, я ведь тоже был горьким пьяницей — и, так получается, идеальная кандидатура, особенно для бесплотного духа, который прежде был выпивохой. Нализаться через меня для него или нее было проще простого. Я и в самом деле пил так, словно наполнял глотку целой ораве. Может быть, поэтому столько пил и не пьянел. Наверное, в моем энергетическом поле таких помощников присосаться к бутылке было хоть отбавляй. Если и вправду так, тогда у меня нет ни малейшего понятия, что с ними случилось, когда я загнулся, — наверное, смылись в поисках нового пристанища, так надо думать.

Логика во всем этом, конечно, была. Но, даже на мгновение примерив к себе вероятность такого исхода, я тут же его отбросил. Я на самом деле далек от мысли, что Бог — существо злобное, карающее и осуждающее, которому нет большей радости, чем швырнуть меня в вечный огонь за то, что в жизни я где-то повел себя не так. Не верил я и в ад, за исключением разве того рукотворного, что мы создали сами для себя на Земле. В моем представлении Бог — свой парень, любящий и прощающий, и самое последнее, что у Него на уме, — осудить тебя. Даже в те времена, когда я вел себя совсем паскудно, я все равно нисколько не сомневался, что Он примет меня без всяких оговорок, стоит мне показаться у Небесных врат.

А значит, я недолго обдумывал эту стратегию. Мне вовсе не хотелось болтаться на земном плане, обитая в чьем-то теле, хотя, должен признать, в свое собственное я по-прежнему стремился вернуться, чтобы продолжить свой путь в облике человека. Оставалось еще так много всего, что мне хотелось бы сделать. Как я уже упоминал раньше, я только-только обрел в жизни цель — в работе, за которую недавно взялся. Она давала мне и личное удовлетворение, и прино-

сила пользу другим людям. Мне хотелось так много еще успеть сделать.

— Позволю себе предположить следующее, — сказал я моему новому приятелю, который теперь казался мне таким несчастным, напуганным и удрученным. — Думаю, тут ты ошибаешься. Бог, как мне кажется, простит тебя. Он понимает, что это у тебя характер был такой, склонный к зависимости. Она проявлялась и через алкоголь, и через секс, так что какой с тебя спрос? Он поймет. Кроме того, как бы сильно ни хотелось мне вернуться обратно, меня не прельщает идея пристроить мою энергию в теле кого-то там еще. Пусть оно, это тело, будет или только мое, или вообще никакого не будет. Поэтому я собираюсь ответить на призыв, который чувствую, — призыв двинуться к Свету. Почему бы и тебе не пойти со мной? Не исключено, что мне можно будет заступиться за тебя, если тебе вдруг придется нелегко там, у врат. Что ты думаешь?

— А как же с этим быть? — сказал он, показав на памятник, установленный на обочине его близкими. — Разве я не обязан все время быть рядом? Не почувствует ли моя семья, что я бросил их всех? Не сомневаюсь, они поймут, что меня здесь больше нет.

— Даже если и так, это их проблема. Они сами должны разобраться со своей скорбью и гневом, всем тем, что касается твоей жизни и твоей смерти. А то, что ты будешь и дальше слоняться тут, ничем им уже не поможет. Тем более это твое чувство вины не дает тебе оставить место — только оно, и ничто иное. Так что пусть этот памятник стоит, где стоял, а нам пора уходить.

В нем определенно происходила какая-то внутренняя борьба. Страх сдавил его, словно тиски. Он продолжал сидеть, глядя на крест, увешанный всеми этими пластмассовыми украшениями, словно фи-

зически ощущая давление со стороны своей семьи, которое так недвусмысленно символизировал этот памятник. Наконец он резко повернул голову, чтобы снова впиться в меня взглядом.

— Хорошо, — сказал он. — Давай попробуем.

Но тут он на мгновение задумался и прибавил:

— Но не ранее, чем мы с тобой пропустим по последней здесь, на Земле.

— О чем это ты говоришь? — сказал я с нажимом в голосе. Похоже, мой Джо оживился не от мысли поскорее направиться к Свету, но от мысли пропустить чарку. — Как это возможно — по последней? Во-первых, это тело больше не является реальным и никто нас не увидит. Разве что нам попадется какой-нибудь бармен-медиум, который не откажется налить спиртного парочке странствующих духов.

— Нет, все будет выглядеть совсем не так, — сказал Джо. — Мы просто зайдем в бар, найдем парочку парней, которые уже успели наклюкаться, и заскочим в них на минутку. Прикажем им заказать еще по стаканчику чего-нибудь покрепче, а затем удалимся во свояси. Им-то что — стаканчиком больше, стаканчиком меньше. Мы ненадолго — по одной, и сразу в путь. К Свету — так к Свету.

— Ты не можешь идти к Свету выпивши, — запротестовал я. — Бог сразу почувствует, что ты выпил, по твоему дыханию.

— Какое дыхание? — возразил Джо. — Ты мертвец, и у тебя нет никакого тела, так что откуда ему взяться, этому дыханию?

— Ах да. Я и забыл. Но одно дело умереть пьяным, как и было с тобой, и совершенно другое — напиться по пути в рай, ты так не считаешь? Они там все про всех знают. Могу поспорить, едва ли они посмотрят на это сквозь пальцы, даже если и склонны прощать грехи, совершенные на Земле.

— Ну перестань. Всего один стаканчик, и после этого пойдем к Свету вместе. Кстати, меня зовут Джо Ноланд, а тебя?

— Стив Паркер. Но мой ответ как был, так и остается — нет, — ответил я, протягивая ладонь, чтобы пожать его окровавленную руку.

— Ладно, Стив, только вот что я тебе скажу. Мы быстренько пропустим по одной, а затем вместе нанесем столь же быстрый визит твоей жене и придумаем, как дать ей знать, что с тобой все в порядке, чтобы она больше не волновалась. Я пробыл тут слишком долго и уже не в состоянии что-то сделать на земном плане, но ты еще совсем новичок, так что сможешь как-то проявиться в физической природе. Чтобы она поняла, что это был знак от тебя. Неплохая мысль, по-моему. Так что, договорились? Впервые с тех пор, как я умер, чувствую себя свободным — от обязанностей перед семьей, от вины и от всех моих старых привязанностей. И это благодаря тебе. Так что давай отпразднуем по старой привычке — в последний раз.

На какой-то миг я задумался:

— Ладно, хоть у меня уже нет тела, я чувствую, что немного спиртного определенно пойдет мне на пользу. Бренди — именно то, что нужно. И я действительно хочу в последний раз повидаться с Верной. Она все равно будет очень страдать, однако, если поймет, что это я связался с ней, дал знать, что люблю ее, — это много чего меняет. Мне не часто приходилось ей такое говорить. Но я готов задержаться в теле какого-нибудь хлыща ровно настолько, чтобы ощутить эффект от одной порции, и ни мгновением больше! Согласен — один стаканчик, и на этом все.

МЕСТО ДЛЯ СТОЯНКИ

Барменша поставила перед каждым из них еще по одному напитку, сделав очередную пометку в их счете. В этом баре Брайен и Джеймс были завсегдатаями и неизменно заглядывали сюда каждый день после работы. Молодые журналисты охотно встречались здесь, чтобы поделиться последними новостями, прежде чем разъехаться по домам на пригородной электричке. По крайней мере, это вполне могло сгодиться в качестве повода заглянуть в бар. По правде говоря, оба они были любителями пропустить рюмочку, скорее даже алкоголиками, и для каждого из них эти два-три стаканчика сразу после работы были лишь первыми в длинной череде тех, что должны были последовать на протяжении вечера.

Брайен как раз смачно рассказывал Джеймсу историю о каком-то политике, которого застали в компрометирующей ситуации с женщиной-проституткой, когда краешком глаза барменша Венди заметила, что каждый из них неожиданно дернулся. Они дернулись одновременно, но, похоже, ни тот, ни другой ничего такого не заметил за своим собеседником. Движение было почти неуловимым, но Венди его подметила. Что-то подобное она уже не раз замечала за конченными пьяницами, но чтобы сразу с двумя, да еще одновременно! Холодок пробежал у нее по спине, почему — она сама не знала. Но ей вдруг захотелось отодвинуться подальше от этих двух молодых людей, хотя они были завсегдатаями и нередко

болтали с ней. По какой-то причине ей стало неуютно рядом с ними.

Брайен внезапно ощутил потребность выпить бренди. Обычно бренди он не заказывал, однако Венди без лишних расспросов поставила перед ним стакан. А Джеймс не смог сдержать любопытства:

— Бренди? Что-то я прежде не замечал за тобой, чтобы ты налегал на бренди. А тут ни с того ни с сего — бренди. С чего бы это, дружище?

— Сам не знаю, просто захотелось, и все. Внезапный порыв. В это время дня мой обычный напиток — виски. Я не прочь пропустить бренди после обеда, хотя ты прав, и это тоже бывает нечасто. А ты — составишь мне компанию? Возьмешь и себе бренди?

— Нет, у меня точно такой же внезапный порыв, как и у тебя, только вот захотелось пива. Так что, пожалуй, лучше возьму себе пивка. Венди, бутылочку моего обычного, будь добра.

И никто из них не обмолвился и словом о том, что каждый ощущал себя как-то странно — не пьяным, поскольку до их обычной дозы еще было далеко, но словно бы немного не в себе. Но когда Брайен едва не рухнул со своего табурета, Венди намекнула им, что пора закругляться.

НЕЗВАННЫЙ ГОСТЬ

Брайен — это был мой выбор, но я совершенно не был готов к тому приему, который меня ожидал.

— Эй, какого лешего ты сюда прешься? Ты что, не видишь — это место давно забито, понял? И не надо сюда ломиться, словно к себе домой! Я тут обосновался всерьез и надолго и даже не подумаю потесниться — тем более съезжать с места. Паренек этот не просыхает, так что и мне всегда есть чем горло промочить. А тут — на тебе! Только-только остался без своего тела — и уже наезжает! Понятно объясняю? Значит так, вали отсюда!

— Один стаканчик, и меня тут нет, обещаю, — растерянно выпалил я. Надо же, оказывается, в теле Брайена обитает еще один дух. Попробую-ка поговорить с ним по душам, решил я. — А скажи мне, дружище, чего ради ты решил тут задерживаться? Разве не достаточно ты нахлебался этого дерьма, еще когда был человеком? Так почему бы тебе не пойти к Свету? Можешь пойти с нами, если хочешь. Небеса — ведь это так замечательно! Там нет никаких дурных привычек. Никакой боли, которую приходится заглушать алкоголем, только любовь и гармония. Мы приглашаем тебя присоединиться к нам. Согласен?

— Таким, как я, туда хода нету, — сказал он. — Схватят меня за шиворот и спустят с лестницы — вот как оно будет, понятно? А вот огонь с пламенем — они-то как раз действуют мне на нервы, — ты понял, что я имею в виду, приятель? Нет уж, как-нибудь

здесь перекантуюсь. Без выпивки мне каюк, точно тебе говорю, а здесь очень даже неплохо. Вот только постоянно приходится защищать свою территорию, совсем как в те времена, когда я просто торговал себе с тележки в Ист-Энде. Что за народ — постоянно кто-то пытается влезть на твою территорию. Ты не поверишь, сколько нашего брата, бестелесных духов, уже пыталось присоседиться тут ко мне. Но я всем дал от ворот поворот, вот так-то, — не люблю я шумных компаний. Хотя есть и такие духи, которые любят устраиваться общиной, но я не такой — мне привычней, когда я сам по себе. И моему парнишке так поспокойней будет. А когда тут будет проходной двор — так он, чего доброго, забеспокоится. Глядишь, надумает, что пора завязывать с этим делом. А мне тогда куда? Словом, ты меня понял? Вот и хорошо. Так что давай допивай и катись отсюда.

Острый язык и типичный для кокни акцент и вправду выдавал в этом духе бывшего уличного торговца (лоточника, как говорят сами англичане), привыкшего петлять со своей нагруженной нехитрым товаром тележкой по улицам лондонского Ист-Энда. Чувствовалось, что в основе его нежелания расставаться с этим местом лежал страх, — похоже, он и впрямь был готов цепляться за него целую вечность. Конечно же, сам Брайен и не подозревал, что в нем угнезвился бестелесный дух, да к тому же кокни. Не догадывался и о том, что это он, этот самый бестелесный кокни, поглощал все то спиртное, которое молодой человек с такой готовностью поставлял ему. Хотя, если уж на то пошло, Брайену повезло хотя бы в том, что дух-кокни отгонял от него других духов, которые в противном случае устроились бы в нем настоящим табором.

— Ты уверен, что не хочешь составить нам компанию? — спросил я снова. Так-сяк проглотив свой на-

питок, я уже готов был отправиться восвояси. — Ты не пойдешь в ад, обещаю тебе. Вот он ад, уже здесь, у нас под ногами. А Свет сделает тебя свободным. Так почему же ты не хочешь идти?

— Да пошел ты сам! Выметайся и оставь меня в покое, слышишь? — закричал он, свирепо замахав на меня руками.

— Что ж, дело твое, — ответил я ему.

«Однако же как отсюда выбраться, в самом-то деле? — подумал я. — Легче сказать, чем сделать». На какой-то миг мне показалось, что я уже оставил тело Брайена, но, похоже, я все проделал так неловко, что секунду-другую он повел себя так, будто у него схватки начались. Он все еще сидел на своем табурете у стойки бара, носком одной ноги едва касаясь земли, а другой упираясь в круглую рейку табурета — на нее, собственно, и приходился весь его вес. А когда он дернулся, эта нога соскользнула с рейки, и получилось так, что на какое-то мгновение он полностью утратил равновесие. На пол он все-таки не свалился, достаточно быстро восстановив равновесие. Но вот содержимое его стакана выплеснулось на Джеймса, облив того с ног до головы, пока Брайен качался и хватался за все подряд, чтобы не рухнуть на пол окончательно.

— Думаю, на сегодня вы свою норму выполнили, — прокомментировала это все Венди.

Брайен шумно запротестовал, по-прежнему не имея ни малейшего представления, что заставило его свалить такого дурака.

Брайен был еще, можно сказать, в полете, окатывая своей выпивкой Джеймса, когда кто-то пронзительно вскрикнул. Но я-то знал, что этот душераздирающий вопль исходит не от Брайена и не от Джеймса. Это дух-кокни проклинал меня за мою неловкость, увидев, как его порция алкоголя пропала почему зря.

Когда же он услышал, как барменша предложила друзьям закружиться, он застонал, как раненый зверь. Но я уже выбрался наружу. Теперь следующий вопрос — где же Джо? Успел ли он выбраться?

В тот же самый миг Джо возник рядом со мной. Он определенно выглядел отдохнувшим и посвежевшим. Все такой же грязный и взъерошенный, но заметно посвежевший.

— Вот так-то оно получше будет, — проговорил он. — Ну а теперь можно и Верне нанести визит.

— Как там Джеймс? Тоже приютил в себе целую компанию?

— Ясное дело, — ответил Джо. — Не компания — натуральная стая. Прием мне устроили далекий от теплого, за исключением разве одной дамочки. Она-то как раз была рада моему появлению, и я даже почувствовал, как что-то зашевелилось у меня в штанах. Почти как в старые добрые времена. Но теперь — совсем другое дело. Виагра минус физическая возможность применить ее на практике — и имеешь мою личную версию ада. Так что я даже и не пытался что-то там... А как у тебя все прошло?

— Какой-то кокни-драчун там окопался из лондонского Ист-Энда. В общем-то, неплохой старикан, но не успел я даже вдохнуть алкогольных паров, как он потребовал, чтобы я выметался вон. Собственник, не хочет ни с кем делиться своей территорией. Я звал его с нами, но он и слышать не хотел ни о чем. Все твердил про адский огонь и вечное проклятие. Ну да что я тебе объясняю — ты сам в курсе.

Мы с Джо без труда нашли дорогу ко мне домой. Верна глубоко спала, но это было только мне на руку — мне совсем не хотелось ее пугать, явившись к ней каким-то привидением. Я решил, что войду в ее сновидение и пообщаюсь с ней таким образом. Я стал ждать, когда появится быстрое движение глаз,

которое будет служить признаком того, что ей что-то снится.

Когда глаза под веками задвигались, я зашептал ей на ухо, говоря о том, что люблю ее и что мне уже сейчас хорошо. Я попросил ее помочь мне уйти к Свету, простив меня, если это возможно, за то, что срывал на ней свою злость и что расстался с ней таким вот образом. Я объяснил, сколь многое изменится для меня, если я смогу идти дальше без этого эмоционального груза. Ее прощение освободит меня. Если же она не простит меня, это будет тяжелой ношей и для меня, и для нее тоже. Я сказал ей, что я тоже предоставляю ей полную свободу и что она не должна испытывать вину относительно моей смерти. Я прошелся ладонью по ее волосам, но не смог почувствовать ничего. Она тоже не шевельнулась, — очевидно, не ощутила моего прикосновения. Я сказал все, что мне нужно было сказать, и теперь чувствовал, что поставил точку в чем-то очень значимом для меня. Мне было приятно, что я догадался войти в ее сон, и теперь чувствовал, что могу с легким сердцем оставить ее.